

ШКОЛА

И ВОСПИТАНИЕ

ГЕРОИКА В ШКОЛЕ: НЕОБХОДИМОСТЬ ИДЕАЛА

Арсений
Замостьянов

Нередко споры о школьной программе по литературе становятся ристалищем вкусов. Одним экспертам не нравится Шолохов, другим не по душе Пастернак — да и не могут все классики полюбить все читатели, а уж читатель квалифицированный, как правило, ещё субъективнее и придирчивее. Такой читатель способен подробно объяснить, почему творчество Чехова или Твардовского никуда не годится и как объяснил своё отношение к Достоевскому Набоков. Дискуссия получается интересная — хорошо бы её отзвуки донесли и до уроков литературы. Но, формируя программу, нужно отсекал вкусовые воззрения и опираться на иную целесообразность. Идеология? Думаю, без неё здесь не обойтись. Речь не должна идти об узкопартийных интересах, но воспитание любви к Родине, к просвещению, к мирному труду и ратному подвигу необходимо каждому гражданину и полезно для общества. В учебниках чтения для младших классов наряду со стихами и рассказами, формирующими здоровое отношение к семье, сверстникам, природе, наряду с «минутками смеха» непременно должны быть прикосновения к подвигу, героике, эпосу. В последнее время мне несколько раз попадались проекты новейших учебников, где — и вовсе не случайно! — из этого ряда выпадала именно героика... Был юмор, было вдоволь экологического воспитания, присутствовали религиозные элементы, а героика показалась авторам излишней. С VI века до н.э., когда впервые была записана «Илиада», изучение героического эпоса стало основой гуманитарного образования в Древней Греции. Поэмы Гомера были мощным культуuroобразующим явлением — не зря традицию штудировать их в школах унаследовал великий Рим. А когда 20 лет назад в современной Греции отменили обязательное школьное изучение поэм Гомера, многие в Афинах заговорили о кризисе греческого народа, теряющего самоидентификацию. Вот нам и пример, что политика с её сиюминутной целесообразностью если и должна реформировать устоявшиеся культурные традиции, то с величайшей осторожностью. А в обиходе отечественной школы сокровенных культурных традиций немало. И некоторые из них в последнее время почему-то угодили в опалу. Я говорю о героике, о поэтизации подвига.

Без героики — никуда в любом гуманитарном курсе. Литература, история, философия... Да и в рассказах о великих учёных-математиках, физиках и химиках элемент героизации необходим, как дрожжи в тесте. Героика пронизывает многие дисциплины, заставляя задумываться о целостном мире культуры. В фундаменте каждой национальной

культуры мы видим героический эпос — он необходим любому народу. Сокровенную важность героики осознавали многие. Вспоминается призыв Фёдора Глинки помнить о священной войне 1812 года, ибо «в ней заключаются примеры всех гражданских и воинских добродетелей. Итак, да будет история сей войны чистейшим *приношением* небесам, лучшим похвальным словом героям, наставницею полководцев, училищем народов и царей. Да узрит в ней любопытный взор отдалённого потомства, как в ясном зеркале, весь ряд чудесных событий, всё величие России...». Глинка был не одинок: слава 1812 года сформировала несколько поколений русских людей. Именно они, помня о Бородине и Париже, создали национальную оперу и симфонию, театр, архитектуру и живопись. Да и самобытная педагогическая мысль смелее развивалась по незаёмным направлениям во многом благодаря воспоминаниям о великой победе.

Историко-литературный школьный курс традиционно начинается в девятом классе со «Слова о полку Игореве». К изучению этого сложного памятника наши учителя привыкли. В младших классах, когда программа строится по тематическому принципу, мы то и дело обращаемся к устному народному творчеству, в котором не обойтись без эпического начала. Во многих авторских программах учителя отдают должное античной литературе, а изучение Гомера есть лучшая школа героики. Думаю, вполне целесообразно выделить героическую линию в программе 4–8-х классов, вставив туда классические образцы поэзии от Феофана Прокоповича до Твардовского и рассказы о героях. В этом литературном массиве учителя и школьники различат и реквием павшим, и воспевание правителей и героев, и патриотические гимны, и сюжетные рассказы о подвигах. Если столь высокое искусство, а не телевидение, станет первым источником знаний о политике — что ж, мы будем только рады.

Один из самых запутанных клубков нашей школьной программы — патриотическое воспитание. Как не впасть в директивную дидактику, которая способна привить школьнику аллергию ко всему высокопарному? Традиция постмодернизма, весьма влиятельная у нас в последние 15 лет, предполагает высокомерное, насмешливое презрение к любой патетике. При этом «партизаны» постмодернизма берегут своё презрение к патетике с тоталитарным максимализмом и прилежанием. Само слово «пафос» со всеми производными непременно употребляется с издёвкой, как будто увидеть патетическое начало они могут только в мусорной луже стёба. Представьте, что получится, если купировать патетику из музыки, литературы, живописи, из истории... Пожалуй, осталось бы сплошное мычание — и трудно вспомнить самую пессимистическую антиутопию, которая расскажет о подобном обществе. Отказ от патриотического камертона превращает общество в стадо — то пассивное, то агрессивное, готовое идти за самыми примитивными и радикальными идеалами.

В послевоенные годы в жанре детских «рассказов по истории» были свои прочные удачи. Традиции заложила основоположница жанра А.О. Ишимова: талантливо адаптированный исторический материал, занимательность, дидактизм, сентиментальность (не будем бояться этого слова). Галерея образов, которым хочется подражать. На ум приходит ныне здравствующий писатель-фронтовик Анатолий Митяев, написавший «Книгу будущих адмиралов», «Ветры Куликова поля: Рассказы о воинской доблести предков», «Тысяча четыреста восемнадцать дней: Рассказы о битвах и героях Великой Отечественной войны», «Рассказы о русском флоте», «Богатыри»... Зачитывались мальчишки и сборниками Сергея Алексеева, и замечательной книгой Евгения Осетрова — «Твой Кремль». Этот материал нельзя забывать, составляя программы для младших классов. Увлечённый школьник получит целостную картину начальных

знаний по истории литературы, истории Отечества, истории искусства, по москововедению. Так, знакомясь с Александром Невским, мы узнаём и Корина, и Эйзенштейна, и Константина Симонова.

К плодотворным дискуссиям привело решение властей вернуть в программу роман Николая Островского «Как закалялась сталь». Образ Павки Корчагина был краеугольным камнем коммунистического воспитания. Роман сильный и прямолинейный, он хорошо ложится на психологию бескомпромиссного подростка. Психолог Наталья Писаренко предостерегает: «Героические сказки имеет смысл рассказывать маленьким детям, идеальный вариант — Гайдар. У подростков же и без того обострённое восприятие всего, что касается темы смерти и жертвенности. Она балансирует на грани бездны, не нужно лишний раз нагружать их психику. И они и без того, увы, ежедневно сталкиваются с жестокостью и страданиями — достаточно включить телевизор. Кроме того, я не вижу смысла в такой «воспитательной мере» — навязанное извне мнение или книга у подростков неизбежно вызывает отторжение и желание думать и делать наоборот».

Столь же эмоциональные возражения вызвало возвращение в школы начальной военной подготовки. Правда, здесь ярче других выступил не специалист, но пламенный журналист: «Я считаю, что начальную военную подготовку в школах вводить нельзя, потому что служба в российской армии — это позор для приличного человека. Нельзя служить в армии, которая похищает мирных жителей. Нельзя служить в армии, где плохо кормят солдат. Нельзя служить в армии, которая бросает своих терпящих бедствие подводников и врёт, будто делает всё для их спасения. Нельзя, наконец, служить в армии, которая бреет лбы насильно, а не предлагает добровольную службу за приличное вознаграждение». Против включения в «стандарт» шолоховского «Тихого Дона» ярче других выступила Евгения Абелиук: «Как хотите,

а я не хочу читать с учениками этого. Нет, я не за то, чтобы скрывать от них правду. Более того, привыкла относиться к ним всерьёз и без скидок. А значит, и разговаривать на равных и на совсем непростые темы. Но, согласитесь, для того чтобы читать такой текст и не сло-маться, нужен немалый жизненный опыт». Здесь речь идёт уже не об идеологии, а о натурализме Шолохова, то и дело обращающегося к эстетике «телесного низа». В эфире радио «Свобода», посвящённом военно-патриотическому воспитанию, Виталий Портников изрёк: «Суворов и Ушаков тоже фигуры, у которых были разные периоды в жизни, да? Суворов побеждал и уничтожал повстанцев Пугачёва одновременно, и это можно по-разному воспринимать, но это разные жизненные поступки. Для военного человека, естественно, военачальник — это непререкаемый авторитет, в гениальности которого нельзя сомневаться уже потому, что на нём мундир. А это очень опасное отношение к жизни, потому что оно, безусловно, не даст человеку возможности формироваться позитивно». Журналисту хочется плюралистического восприятия великих фигур. А между тем программа возрождения патриотического воспитания реализуется и бюрократически, и на практике. Существует «Роспатриотцентр» — государственное учреждение «Российский центр гражданского и патриотического воспитания детей и молодёжи». «Роспатриотцентр», как заявлено в официальном документе, «осуществляет координацию деятельности региональных центров, занимающихся патриотической работой, а также координацию поисковых объединений Российской Федерации». Опасность бюрократизации патриотической темы легко прочитывается сквозь деловые формулы документов. Вместо изучения классики — плановые мероприятия, вместо героев истории — современные столоначальники, которые перед парламентскими выборами проявляют безудержную активность. Ориентиром становится

именно столоначальник, назначенный «на патриотическое воспитание» по трубному зову собственного карьеризма. Он, а вовсе не герои былин, не павшие в битвах защитники Отечества, не Пушкин, не Державин, не Тютчев. Конечно, хорошо, что министерство в последние годы постоянно обращает внимание на патриотизм. Но инерция бюрократического подхода может погубить святое дело, как это случилось в 1980-е годы. Воспитание советского патриотизма тогда финансировалось бесперебойно, а отдачи уже не было: равнодушные чиновники оказались плохой заменой подлинным советским

патриотам старших поколений. История свидетельствует, что большинство кампаний по пропаганде патриотизма карикатурны, как речи ретрограда Крутицкого из пьесы Островского: «У меня прожект написан об улучшении нравственности в молодом поколении. Для дворян трагедии Озерова, для простого народа продажу сбитня

дозволить». Думаю, что эффективнее сотен протокольных мероприятий было бы акцентированное изучение классической героики на уроках литературы и истории. Пока же принимаются пятилетние планы по внедрению патриотического воспитания, а журналисты, учителя, учёные продолжают дискуссию. Споров в этих трёх соснах будет немало. Глядишь — и выйдет толк.

Вспомним прошлое. В предреволюционные десятилетия в новых хрестоматиях официальная героика встречается всё реже. Насаждалась революционная идеология, из всех направлений героики представлена была лишь свободолубивая, с оттенком оппозиционности. Стра-

стный монархизм В.А. Жуковского и А.Н. Майкова был чужд учителям демократического направления. Но в консервативных учебных заведениях именно патриотическая лирика была стержнем первоначального знакомства с поэзией.

Без торжественных од не обходилась ни одна школьная программа. Альтернативные программы того времени предлагали апологетику трудового народа и его борьбы за свободу. И в революционной среде быстро появились свои одописцы, сочинители гимнов и реквиемов павшим борцам.

«Русский Народный Союз» Пуришкевича выпустил сборник проблемных статей «Школьная подготовка революции». Авторы приметили, например, что в новомодных «демократических» учебниках для грамматических упражнений рекомендуется переписывать следующие фразы: «Острые ножи сточились», «Соседние помещики разорились», «Рабочий человек имеет право на покойную старость», «Повинности велики у селения» и т.п., всё с одной лишь тенденцией возбудить классовые противоречия. Об армии предлагаются следующие изречения: «Молодой солдат застрелился», «Солдат измучен». Как это похоже на тот образ российской армии, который формируется теми, кто победил нас в «холодной» войне. Рецензент А.О. резонно замечает: «Без веры в Бога, без любви к Царю, без готовности положить жизнь свою за Отечество, будущее России не может быть ни заманчиво, ни утешительно». Эти мотивы казались устаревшими, но через несколько десятилетий в после-революционной школе произошло второе издание «официальной народности». В школе, ставшей значительно более массовой, агитация проникла в программы всех дисциплин. Школа занялась коммунистическим воспитанием, формированием «нового человека», строителя коммунизма, в мировоззрении которого советский патриотизм был краеугольным камнем. Теперь школьники не читали «Кто он?», «Сказание о 1812 году» или «Сон королевича Марко» А.Н. Майкова,

не разучивали объявленные «псевдонародными» гимны В.А. Жуковского:

Грянем песню круговую
 Про царя на русский лад.
 Царь наш любит Русь родную,
 Душу ей отдать он рад.
 Прямо русская природа;
 Русский видом и душой,
 Посреди толпы народа
 Выше всех он головой.
 На коня мгновенно прынет,
 Богатырь и великан,
 В ратный строй командой грянет —
 Огласит весь ратный стан.
 Злился в море непогода —
 Смех ему тревога вод.
 Буря, встань среди народа —
 Взглядом он уймёт народ.

Но поэты, искренне воспринимая социальный заказ, создали нечто весьма похожее, только на новом, советском, материале. Так обосновались в школьной программе «Смерть пионерки», «Коммунисты, вперёд!», а рядом — «Песнь о Вещем Олеге» и «Бородино».

Показательно мнение Александра Асмолова — одного из наиболее активных реформаторов школы начала 1990-х. «Нельзя привить ребёнку патриотизм или антипатриотизм. Самый большой недостаток новой программы — не в идеологии, а в системе. Если я хочу, чтобы кто-то гордо вставал при поднятии флага, то мне не нужно говорить ему «Ты патриот». Не нужно ему что-то внушать. Необходимо создавать систему такой, какой люди смогут её полюбить». Открытому обществу патриотизм не нужен — здесь требуется воспитывать приверженность общечеловеческим ценностям (Асмолов называет это чувство патриотизмом человечества, но нам такая терминология кажется слишком противоречивой). Рафинированный профессор придумал высокомерный термин «быдл-класс», обозначающий питательную среду фашизма. По нашим наблюдениям, тяга к экстремизму расцветает как раз во времена

безвластия и пропаганды расплывчатомечтательного свободолюбия. Так бывает: расхлябанность порождает жестокость, от Веймара до Дахау куда ближе, чем от суловского авторитаризма или жёсткой американской политкорректности. Государственная мифология, на которой держится страна, должна открываться перед школьниками во впечатляющих сюжетах: не прочувствовав обаяния отечественной героики, скептик-подросток будет глух к важнейшему пласту русского духа. Выкорчевав из программы столь важную для эмоций школьника краску, как патриотическое воспитание, через 10–15 лет профессор

Асмолов удивляется всплескам детской жестокости, апатии, голого практицизма, нежелания воспринимать никакой этики и эстетики, кроме права сильного...

Против благих намерений Асмолова сыграло парадоксальное народное правило:

«Не хотите по-плохому — по-хорошему будет хуже!». Тот воспитательный инструмент, который

способен окоротить процесс деградации, был выплеснут вместе с военно-патриотическим воспитанием! Воспитывать в подростках терпимость (ту самую толерантность) без школы патриотизма оказалось трудненько. Общество много лет искало эффективные, сообразные природе человека пути — и не случайно остановилось на государственническом патриотизме. Не забыть бы об этом в борьбе честолюбий. Профессор декларировал движение «от культуры полезности к культуре достоинства». Не тот ли это путь, на котором богатырь теряет и коня, и буйну голову? Имеющий глаза да улыбнётся, увидев, как недавние борцы с доктриной «полезности для общества

и государства», господствовавшей в советской школе, нынче призывают школу к адресной подготовке менеджеров и офисных полотёров для корпоративных нужд. Как только заиграли-зашелестели деньги, умолкла музыка лучезарного детоцентризма и красивые слова о ценностной педагогике и маленьком принце улетели обратно в сказку. Получается всё тот же жёсткий, прямолинейный марксизм, только под эгидой некогда отрицательных — буржуазных — ценностей, с полным забвением культа труда и народа. Если отбросить прикладную конспирологию, выйдет, что главная ошибка реформаторов идеологии начала 1990-х в том, что они не учитывали косвенных следствий того или иного шага. В своём либерализме они были прямолинейны, с революционным максимализмом забывая о диалектике. Соответственно, инстинкт самосохранения был ослаблен и фосфорическая надпись «Опасно для жизни!» зажигалась у раскрепощённых оракулов перестройки куда реже, чем это было необходимо. Значит, резонны были возражения «супротивников реформ», консерваторов, один из которых — Юрий Бондарев вопрошал на 19-й партийной конференции: «Можно ли сравнить нашу «перестройку» с самолётом, который подняли в воздух, не зная, есть ли в пункте назначения посадочная площадка?» Тогда ему досталось от радикальных «перестройщиков» за этот весьма сдержанный «манифест консервативных сил», которые предпочитали бросаться в омут, боясь даже мысли о маршруте самолёта...

Языком литературы и журналистики 1990-х годов стала ирония. Тотальная пародийность, цитата на цитате, ленивые смешки, ни слова «в простоте». Ирония (от греческого слова *eigoneia* — притворство), по самому популярному определению, — «Вид комического, когда смешное скрывается под маской серьёзного (в противоположность юмору) и таит в себе чувство превосходства или скептицизма»¹. Вообще-то и в литературе, и в быту ирония — явление доброкачественное. Автор этих строк посвятил кандидатскую диссертацию исследованию иронии Г.Р. Державина, который, добавив в классическую поэзию непринуждённость улыбки, создал неповторимый стиль с элементами реализма. Но ирония хороша как приправа, а не как основное блюдо. А на наших глазах «чудовище захотело сделаться королём» — и культура, превратившаяся в самопародию, не сумела стать подлинной властительницей дум, она спровоцировала бескультурие. Ирония иронией, но не отнимайте у нас право на героину! Героическое начало проявляется и в жизни, и в искусстве, определяя течение истории. Можно ли переоценить роль «Илиады» и «Махабхараты», русских былин и «Песни о Роланде» в истории цивилизаций?.. Мы могли бы долго перечислять образцы высокой героики в музыке, театре, в романстике, в обычаях и поступках людей. Вечная эстафета искусств невозможна без героических образов. Нигде с такой полнотой не

выразился народный характер, как в героическом эпосе — фольклорном фундаменте всех литератур. Ещё один классический сюжет античной истории, сыгравший решающую роль в судьбах мировой и русской поэтической героики, — это эпопея Александра Великого. Молодой македонский царь, покоривший Восток и Запад, стал героем популярнейшего средневекового романа, подарил собственное имя величавой поэтической форме — *александрийскому стиху*. Империя Александра стала главной из социальных предпосылок поворота духовной истории человечества от язычества в сторону мировых религий. Перемешивая Восток и Запад, полководец создавал ареал для грядущего христианства. Эта история с метафорической убедительностью показывает взаимосвязь героики и духовности.

Александра и его славных сподвижников упоминали в своих одах русские поэты XVIII века. Они были убеждены, что древние герои перевоплотились в птенцов гнезда Петрова и Екатерининских орлов... Всё это — не только страницы нашей истории, но и поэтические образы. И не разобрать — где документ, а где Пушкин или Державин. Всё слито воедино, в монолит народной культуры, где и «тьмы низких истин», и «нас возвышающий обман».

Логика фольклора наиболее естественна в составлении школьной программы: она органически целесообразна. В «Народном образовании» мне уже довелось однажды писать о прописях А.М. Кушнера, которые помогают младшеклассникам не просто быстро научиться читать, но делают их смышлёнными, активными читателями с образной русской речью. Эти прописи содержат тексты близких к фольклору поэтических сказок Пушкина и Ершова, а также народных и авторских песен, чья популярность проверена десятилетиями. Причина успеха этой методики — в приверженности

¹ Словарь формулирует также иные смысловые оттенки понятия «ирония»: 1) отрицание или осмеяние, притворно облачаемые в форму согласия или одобрения... 2) Стилистическая фигура: выражение насмешки или лукавства посредством иносказания, когда слово или высказывание обретает в контексте речи смысл, противоположный буквальному значению или отрицающий его...

к фольклору. И не просто к фольклору — а к образцам, прошедшим апробацию и сельской, и городской культурой. Здесь важно не впасть в сектантский изыск усложнённого псевдофольклора, напоминающий субкультуру толкиенистов и т.п. Основная школьная программа должна идти магистральной дорогой, быть консервативной.

Поэзия менялась вместе с общественными настроениями: так, с 1860-х годов, с эпохи великих реформ и развития капитализма в России, иссякал потенциал монархической героики. Петровский официоз (созданный главным образом после Петра), столь долгие годы искренне принимавшийся поэтами и их читателями, прервался патриотикой Ф.И. Тютчева и В.Г. Бенедиктова времён Крымской войны. Выдающиеся поэты всё реже обращались и к образам православной духовности. Приметой нового времени была героизация революционной борьбы «за рабочее дело», за «лучшее будущее всего человечества», героика бунта. Пафос строительства нового мира, прославление героического труда только в предвоенные годы уступили место патриотической армейской героике, которая во многом развивала наработки поэтов XVIII века и поэтов, озарённых подвигом 1812 года. Даже беглое ретроспективное изучение поэтической героики показывает, как менялись направления народной мысли — от монархизма к революционной героике с её воспеванием подвига разрушения. Этот цикл России суждено пройти неоднократно. Со временем проявятся и другие значимые аналогии, о которых мы ещё вспомним: образ Петра Великого — и образ «капитана земли» (С. Есенин) В.И. Ленина. Образы правящих самодержцев — и образ Сталина, адресата новых проникновенных од. Нет ли в этом опасности политического конфликта? Думаю, что образы властителей и героев в высокой поэзии во многом универсаль-

ны и шире исторических прототипов. И здесь нужно сказать несколько слов о верноподданнической поэзии. Д.С. Лихачёв писал о памятниках древнерусской литературы: «Князь олицетворяет могущество и достоинство своей страны. «...» Идеал князя XI—XIII вв. был неотделим от идей патриотизма. Идеальный образ князя — такой, какой он рисовался летописцу, — был воплощением любви к Родине: к отчине, к Русской земле. Князь служит Русской земле, готов сложить за неё голову, готов со своею дружиною тотчас же выступить против её недругов, забыть свои обиды для того, чтобы «мстить обиды» Русской земле»². Формула Лихачёва «князь и народ составляют единое целое»³, напоминает позднейшее: «Народ и партия едины». В образе правителя, по давней отечественной традиции, соединяются чаяния и идеалы поколений. Любовь к правителю как высокая лирико-эпическая нота, — это, пожалуй, один из специфически русских мотивов в поэзии, о чём настойчиво напоминал Н.В. Гоголь. Демьян Бедный в одном из стихотворений сороковых годов обмолвился: «Ленин-Сталин — это слово...», объединив двух вождей, как двух богов в индуистской традиции (Харихара)... И такое бывало в поэтической апологетике героев — не забудем же о том, что этот образ действовал, воевал и побеждал в грозную военную пору. Он как минимум значителен художественно и поучителен в историческом контексте. Многие учителя литературы считают, что строки «Мы так вам верили, товарищ Сталин, как, может быть, не верили себе» принадлежат перу Юза Алешковского, а не Михаила Исаковского. Грустно, но пародия в их памяти заслонила оригинал шедевра.

Можно презрительно называть эти качества народного характера «сервиллизмом» (М.Е. Салтыков-Щедрин едко замечал, что у нас нередко путают Отечество и «ваше превосходительство»), но история свидетельствует, что после всех бунтов и революций, опамятавшись, русский народ возвращается к той или иной форме самодержавия, единовластия. В народе живёт потребность самоотождествления с идеальным правителем, своеобразное единство: подданный — правитель — Родина. Н.В. Гоголь именно о верноподданнической поэзии писал: «От множества гимнов и од царям поэзия наша, уже со времён Ломоносова и Державина, получила какое-то величественно-царственное выражение. Что их чувства искренни — об этом нечего и говорить. Только тот, кто наделён мелочным остроумием, способным на одни мгновенные, лёгкие соображенья, увидит здесь лесть и желание получить что-нибудь, и такое соображение оснует на каких-нибудь ничтожных и плохих одах тех же поэтов. Но тот, кто более, нежели остроумен, кто мудр, тот остановится перед теми одами Державина, где он очерчивает властелину широкий круг его благотворных действий, где сам, со слезою на глазах, говорит ему о тех слезах, которые готовы заструиться из глаз, не только

2 Лихачёв Д.С. Человек в литературе Древней Руси. М., 1970. С. 48, 49.

3 Там же. С. 39.

русских...». Эти аксиомы легко переводятся и на язык XX века, и даже на нынешний маскультный сленг. Разумеется, русская героика не исчерпывается охранительными и православно-государственническими мотивами. Лучшие образцы гражданской вольнолюбивой лирики существуют параллельно с канонами героики. Из таких классических стихотворений, как «Вольность» А.Н. Радищева, «Властителям и судиям» Г.Р. Державина и стихов, продолжающих эту традицию, вплоть до «Мы живём, под собою не чуя страны» О.Э. Мандельштама, образуется совсем другая линия в истории поэзии — её тоже не следует забывать авторам школьных курсов.

Для многих из нас любовь к литературе, к поэзии началась с сильного детского впечатления, связанного именно с героикой. Врезались в память строки лермонтовского «Бородина», поражали чеканные и простые стихи «Верескового мёда». «Песнь о Вещем Олеге» пробуждала первые мысли о вечности, о жизни и смерти, а искренний строй военных песен учил отдавать жизнь «за други своя», за Родину — с открытым сердцем. Потребность в героике особенно ощутима в юности, но и с годами она не иссякает, то и дело проявляясь в наших решениях, в мыслях и поступках. Это самая необходимая, подручная интеллектуальная оснастка.

Русская литературная героика — своеобразный учебник мифологической, легендарной истории. Легенда выше исторической правды, если она обретает совершенную художественную форму и помогает народу побеждать. Поэтому мне бы хотелось, чтобы в школьной программе остались и шолоховская «Судьба человека», и толстовские «Рассказы Ивана Сударева». Идея победы — не только военная. Для России со времён Куликовской битвы идея победы была культуuroобразующей, центральной. И поэты бережно пронесли образ *Виктории* от петровских баталлий — к екатерининским, от первой Отечественной войны — ко второй... И в фольклоре, и в массовой

песне XX века идея победы всегда была с нами. И ныне она пребывает в литературе, в поэзии. Целесообразно завершить программу изучением А.Т. Твардовского — пожалуй, последнего великого русского поэта, творчество которого сегодня мы можем изучать с академической дистанции. Героика — в самом широком смысле этого понятия — непременно должна присутствовать в народной жизни. Вне героического пафоса культура оказывается выхолощенной, мёртвой. Гаврила Романович Державин сказал о Суворове: «*Вот урок, вот что есть человек*», указав на дидактическую роль образов великих людей. Самое действенное воспитание *настоящего человека* основано на героических примерах. Вспомним, что даже в годы наименьшей популярности патриотической идеи В.Н. Сорока-Росинский (тот самый Викниксор из «Республики ШКИД») говорил о необходимости школьного изучения героики, о воспитательном значении подвига, о «суворовской педагогике». Разумеется, она работает только при совпадении с воззрениями учителя. Артистизм здесь не поможет.

Десять лет назад, на очередных «обломках самовластья», нам казалось, что можно обойтись без патриотического идеализма. Мало кто самому себе в этом признавался, но продуктивным виделся снобизм. И такая реакция вкупе на тотальную советскую идеологичность и перестроечную неразбериху была закономерной. Не менее закономерен и пересмотр этого стиля. Оказывается, ироническое высокомерие очень быстро ржавеет, подгнивает, превращаясь в невежественное равнодушие к истории и культуре. Помешать этому разрушительному процессу может высокий пафос гуманистической, талантливой, всепобеждающей отечественной

героики. И пусть для наших школьников великие голоса истории зазвучат с прежней силой, а краски брызнут в глаза, ничуть не потускнев от времени. Не стесняйтесь патетики, коллеги! **НО**

